

ТЕРЕНС ПАУЭЛЛ

КЕЛЬТЫ

ВОИНЫ И МАГИ

ЗАГАДКИ ДРЕВНИХ НАРОДОВ

Загадки древних народов

Теренс Пауэлл

Кельты. Воины и маги

«Центрполиграф»

1958

УДК 94(364)
ББК 63.3(0)3

Пауэлл Т.

Кельты. Воины и маги / Т. Пауэлл — «Центрполиграф»,
1958 — (Загадки древних народов)

ISBN 978-5-9524-5540-5

В книге собран уникальный материал об истории древних кельтов – первого из заселявших земли к северу от Альп великих народов, чье название нам известно. Обилие археологического материала, свидетельства античных историков, кельтское литературное наследие и результаты современных филологических исследований проливают свет на жизнь удивительных и загадочных предшественников исторических наций Западной и Средней Европы. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(364)

ББК 63.3(0)3

ISBN 978-5-9524-5540-5

© Пауэлл Т., 1958
© Центрполиграф, 1958

Содержание

Предисловие	8
Глава 1	9
Источники и толкования	9
Кельты в древней истории	12
Галлы	13
Галаты	14
Белги	16
Британия и Ирландия	17
Европейский доисторический фон	20
Переселенцы эпохи неолита	21
Появление скотоводства	22
Раннее использование металлов	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Теренс Пауэлл
Кельты. Воины и маги
ЗАГАДКИ ДРЕВНИХ НАРОДОВ

T.G.E. POWELL
the CELTS

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2021

Предисловие

Настоящее исследование, посвященное кельтам – первому из заселявших земли к северу от Альп великих народов, чье название нам известно, – не является обычным изложением фактов, общепринятых точек зрения и предположений. Это скорее попытка описать и обсудить некоторые аспекты жизни кельтов, а также наметить пути дальнейших изысканий, которые должны коснуться малознакомых нам племен, отстоящих как во времени, так и в пространстве.

Обилие археологического материала по кельтской культуре дополняется свидетельствами античных историков, национальной литературной традицией и результатами современных филологических исследований; совокупность этих источников служит основой для обобщений, но поиски истины продолжаются, и, возможно, данная книга внесет новый штрих в знакомую картину и прольет еще немного света на жизнь удивительных и загадочных предшественников исторических наций Западной и Средней Европы.

Кельтское литературное наследие, сохраненное с давних времен в Ирландии и Уэльсе, – древнейшее в Европе после греческого и латинского. Оно представляет собой зеркало, отражающее нравы и обычаи архаического общества умеренной климатической зоны Европы, колыбели европейской культуры. Изучение происхождения кельтов, таким образом, помогает отыскать корни европейцев, а «варварская классическая литература» заслуживает более пристального внимания и признания, чем она получала до сих пор.

Несколько слов следует сказать о том, как работать с этой книгой. Ради массового читателя я не стал перегружать текст ссылками на персоналии и отдельные работы, при этом не колеблясь включал в повествование имена и термины на других языках в тех случаях, когда это было необходимо для прояснения спорных или плохо освещенных в исторической литературе вопросов. Иллюстрации на вклейке сопровождаются подробными комментариями в конце книги. Их можно рассматривать отдельно, как альбом, призванный дать общее впечатление о кельтах, их внешности, ремеслах, ритуалах и окружении и вовсе не претендующий на звание учебного пособия по археологическим образцам и периодам. Одни иллюстрации рассказывают о том, как кельты представляли самих себя, другие помогают увидеть их образ, сложившийся в сознании современников – греков и римлян.

При написании этой книги я много полезных сведений почерпнул из трудов других авторов. Поиски иллюстративного фотографического материала охватили огромные территории, и я, по возможности, старался отбирать наименее известные и редко воспроизводимые в исторической литературе предметы. Выражаю искреннюю благодарность за неоценимую помощь в работе над этим исследованием мистеру Р.Дж. К. Аткинсону, профессору Х.Г. Банди, профессору Герхарду Берсу, профессору Карлу Блюмелю, мистеру Рейнберду Кларку, полковнику Марио Кардосо, профессору Вольфгангу Дейну, мадемуазель Габриэль Фабр, профессору Яну Филипу, мистеру Р.У. Хатчинсону, доктору Зигфриду Юнгансу, доктору Йозефу Келлеру, герру Карлу Келлер-Тарнуццеру, доктору К.М. Край, профессору Хуану Малукеру де Мотесу, доктору Й. Менделю, доктору Фр. Мортону, профессору Ричарду Питтиони, полковнику Альфонсо де Пасо, доктору Майре де Паору, доктору Адольфу Риту, мадемуазель О. Таффанель, мисс Элайне Танкард, профессору Хулио Мартинесу Санта-Олалья, доктору Дж. К. Сент-Джозефу, мистеру Р.Б.К. Стивенсону, доктору Рафаэлю фон Услару, месье Андре Вараньяку, мадемуазель Анжель Видаль-Аль и, наконец, доктору Глину Дэниелу и первым издателям этой книги за любезное приглашение к сотрудничеству и терпение, с которым они сносили всевозможные отсрочки, случавшиеся по вине автора.

Теренс Пауэлл

Глава 1

Происхождение кельтов

Источники и толкования

Древнейшие из дошедших до нас сведений о кельтах отрывочны и совершенно случайны. Геродот в середине V века до н. э. упоминает об этом народе, говоря о местонахождении истока Дуная, а Гекатей, который прославился чуть раньше (ок. 540–475 до н. э.), но чья работа известна лишь по цитатам, приводимым другими авторами, описывает греческую колонию Массалия (Марсель), располагавшуюся, по его словам, на земле лигуров рядом с владениями кельтов. В другом отрывке Гекатей называет кельтский город Ниракс – это место, по всей вероятности, соответствует Нории на территории древнего Норика, который можно приблизительно соотнести с современной австрийской провинцией Штирией.

В своем великом труде «История» Геродот уделяет мало внимания как истоку Дуная, так и кельтам. Это прискорбно, поскольку археологические исследования доказали всю ценность и точность его суждений о других племенах, в особенности о скифах, информацию о которых он получал из первых уст. Однако важным представляется тот момент, что и Геродот, и, по всей видимости, Гекатей не считали необходимым подробно рассказывать грекам о нравах и обычаях кельтов.

Геродот сетует на то, что его познания о дальнем западе Европы скудны, однако упоминания историка о кельтах представляют определенный интерес. Он дважды повторяет, что Дунай протекает по их землям и что кельты – самый западный народ в Европе, не считая кинетов, заселявших, предположительно, Южную Португалию. В первом случае Геродот помещает исток Дуная вблизи Пирены – это название можно было бы соотнести с Пиренеями, однако известно, что именно так называлось греческое торговое поселение на северо-восточном побережье Испании. Далее историк говорит, что кельты жили на некотором удалении от Геракловых столбов, то есть от Гибралтарского пролива, – едва ли он мог так нелепо ошибиться, поместив и Пирену в том же районе. Таким образом, сообщения Геродота о кельтах Иберийского полуострова свидетельствуют, что эти племена заселяли обширные территории, в том числе области, прилегавшие к Массалии, и, весьма вероятно, древний Норик.

Следует заметить, что название *Celtici* сохранилось в Юго-Западной Испании до римских времен – это единственный пример того, что имя многочисленного кельтского народа было увековечено географией.

Как ни ошибочны были представления Геродота о местоположении верховий Дуная, его убежденность в том, что эта река протекает во владениях кельтов, основана не только на соотнесении истока с Пиреной. О Нижнем Дунае Геродот был осведомлен гораздо подробнее: он знал, что на корабле можно заплыть далеко вверх по течению и что река несет воды по обитаемым землям на всей своей протяженности. Резонно предположить, что именно этим путем в Грецию доходили сведения о кельтах из северных пределов. Археологические исследования с большей степенью достоверности доказывают, что берега Верхнего Дуная были прародиной кельтов, откуда некоторые племена переселились в Испанию, а чуть позже в Италию и на Балканы. Таким образом, на одну и ту же точку на карте указывают два источника информации.

Прежде чем перейти к обобщению остальных раннеисторических свидетельств о кельтах, необходимо несколько слов сказать о том, почему название этого народа было столь широко распространено в ту эпоху. С чем это связано?

Представляется очевидным, что во времена Геродота греки считали кельтов крупнейшим варварским народом, жившим на западе и севере Западного Средиземноморья, а также в районе Альп. Эфор, трудившийся в IV веке до н. э., называет кельтов в числе четырех величайших варварских народов известного мира (остальные три – скифы, персы и ливийцы), а географ Эратосфен в следующем веке упоминает о том, что кельты заселяют Западную и трансальпийскую Европу. Вероятно, это связано с тем, что греки не делали различий между отдельными кельтскими племенами. Не вызывает сомнения, что Геродот, рассказывая о других варварах, например о скифах или гетах, видел в них как самостоятельные народы, так и содружества племен. Его интересовали их политические институты, нравы и обычаи; что до языков, греки не утруждали себя лингвистическими изысканиями, и языковые различия между племенами варваров Геродот в расчет не принимал. Разумно предположить, что даже если он ни разу не общался с представителями кельтов, то знал их по описаниям и мог выделить среди других варваров. Следовательно, термин «кельты» несет сугубо этнологический смысл и вовсе не обязательно должен означать «кельтоговорящие», вопреки современной академической концепции, основанной на работах пионера лингвистических исследований Джорджа Бьюкенена (1506–1582) и Эдварда Ллуйда (1660–1709).

Итак, на протяжении четырех веков, со времен Геродота до эпохи Юлия Цезаря, образ жизни, политический уклад и внешний облик кельтов были хорошо известны их просвещенным южным соседям. Все эти сведения достаточно расплывчаты, поверхностны и поддаются множеству толкований, однако на их основе можно сделать определенные выводы о различиях между популяционными группами.

Что касается самого слова «кельты», греки записали его на слух как *keltoi*, и, за исключением его использования в узкоплеменном контексте в Испании, о чем уже упоминалось выше, в других случаях оно широко употреблялось для обозначения совокупности племен с разными названиями – этот вывод базируется на более поздних источниках, нежели сочинения Геродота. Применительно к населению Британии и Ирландии античные авторы, насколько это известно, никогда не употребляли термин «кельты», и не сохранилось никаких свидетельств того, что сами обитатели островов так себя называли (однако это вовсе не означает, что островитяне не были кельтами). В современном, популяризированном, значении слова «кельт» и «кельтский» ввела в обиход эпоха расцвета романтизма в середине XVIII века, затем они вышли за рамки лингвистического контекста, в котором их использовали Бьюкенен и Ллуйд, и стали необоснованно применяться в самых разнообразных областях: в физической антропологии, по отношению к островному христианскому искусству и фольклорной жизни во всех ее проявлениях.

Далее следует прояснить еще один вопрос: действительно ли речь кельтов времен античности родственна живым языкам, которые в филологии принято называть кельтскими? Убедительнее всего об этом свидетельствуют труды античных авторов, где приводятся имена вождей, названия племен и отдельные слова, принадлежавшие кельтам. Этот пласт лингвистического материала находится в полном соответствии с кельтской ветвью индоевропейской семьи языков, и есть множество примеров тому, что записанные в глубокой древности слова сохранились в средневековых и современных языках кельтской группы.

Изучение языка древних кельтов опирается на три источника. Прежде всего это дошедшие до наших дней многочисленные надписи, в основном на латыни, реже – на греческом, зафиксировавшие кельтские слова и имена (фото 69, 70, 74). Они обнаружены на алтарях и других архитектурных памятниках кельтских земель, входивших в Римскую империю. Территория их распространения обширна: земли от вала Адриана до Малой Азии, Португалия, Венгрия и т. д. Второй источник – нумизматика – сродни первому, но менее рассредоточен в пространстве (фото 47, 75). В историческом и археологическом плане надписи на монетах особенно важны, поскольку свидетельствуют о том, что их чеканили кельтские вожди или отдельные

кланы. Третья группа доказательств связана с географическими названиями. К ним относятся названия рек, гор и холмов, а также поселений и крепостей. Их прямую связь с современными языками так же можно установить прежде всего на материалах античных авторов, упоминающих в своих произведениях кельтов; локализация же таких названий, «выживших» в Западной и Центральной Европе, тесно связана с районами, где кельтское влияние было особенно сильно и сохранялось достаточно долго. Сравнительный анализ кельтских, тевтонских, славянских названий, в том числе трансформировавшихся в результате заимствований одними народами у других, дает богатейший материал для самых разных интерпретаций, однако этим должна заниматься специальная область филологии, и достоверная карта кельтских названий Европы еще ждет своего составителя. Пока же с уверенностью можно сказать, что за пределами Британских островов кельтские названия сохранились в большом количестве во Франции, Испании, Северной Италии, реже они встречаются между Дунаем и Альпами и дальше на восток к Белграду, а в Северо-Западной Германии кельты оставили след на берегах Рейна, дошли до Везера и, возможно, до самой Эльбы. Разумеется, эта картина дает далеко не полное представление о территории рассеяния кельтских названий в прошлом, и, кроме того, можно найти множество различных причин тому, что часть из них сохранилась до наших дней, а часть была предана забвению.

Джордж Бьюкенен, который ввел термин «кельтский» в языкознание, первым доказал, опираясь на античные источники, что современные ему гэльский и валлийский языки выросли из древнекельтской речи. Таким образом, филологическое значение этого термина выведено на основе этнических изысканий Геродота и вторивших ему более поздних историков и географов.

Большая протяженность земель, которые некогда заселяли кельты, дает возможность привлечь археологические данные для изучения их цивилизации.

Строго говоря, археология – это наука, исследующая материальные свидетельства человеческой деятельности в прошлом. Ее объектом может быть материальная культура целых народов и исторических эпох либо периоды и географические пространства, существовавшие до появления развитых цивилизаций, владевших письменностью. В последнем случае археология превращается в «немую» науку – она лишается языка, на котором можно описать различные проявления человеческой жизни, отраженной в случайных и разрозненных остатках анонимной материальной культуры. Цель же современных археологических исследований – заглянуть как можно глубже в прошлое, понять и воссоздать жизнь древнего общества, а не просто составить точную опись предметов и памятников; однако нередко к археологии предъявляют чрезмерные требования, которые, по своей сути, она не способна удовлетворить. Таким образом, в отношении кельтов археологические изыскания должны быть в первую очередь направлены в узкие рамки нескольких веков – от Геродота до Юлия Цезаря, чья деятельность знаменует собой начальный и конечный пределы исторической эпохи, оставившей письменные свидетельства об этих племенах. И данные археологии действительно подтверждают, что в течение указанных столетий на уже упоминавшихся территориях существовала обширная культурная провинция. Найденные остатки варварской цивилизации связывают с известными науке кельтскими племенами и датируют начиная с IV века до н. э. в Северной Италии, со II века до н. э. в Южной Франции и с I века до н. э. почти на всей протяженности Римской империи.

Кельты в древней истории

Временно оставим в стороне материальные источники и предпосылки – на первый план снова должны выйти античные историки, чьи произведения позволяют оценить степень вмешательства кельтов в жизнь просвещенного мира древнего Средиземноморья. Здесь мы попытаемся составить лишь хронологическую канву событий, более подробная информация непосредственно о кельтах будет проанализирована в следующих главах.

Примерно через четверть века после смерти Геродота в Северную Италию вторглись варвары, пришедшие по альпийским перевалам. Описания их облика и имена свидетельствуют о том, что это были кельты, но римляне называли их *galli* (отсюда *Gallia Cis-* и *Transalpina* – Цизальпинская и Трансальпийская Галлия). Более двух веков спустя Полибий упоминает захватчиков под именем *galatae* – это слово использовали многие древнегреческие авторы. С другой стороны, Диодор Сицилийский, Цезарь, Страбон и Павсаний говорят о том, что *galli* и *galatae* были тождественными обозначениями для *keltoi/celtae*, а Цезарь свидетельствует, что современные ему *galli* именовали себя *celtae*. Диодор употребляет все эти названия без разбора, но замечает, что вариант *keltoi* более верен, а Страбон сообщает, что это слово было известно грекам из первых уст, поскольку *keltoi* жили в окрестностях Массалии. Павсаний тоже отдает предпочтение названию «кельты» по отношению к галлам и галатам. Сейчас невозможно установить, с чем связана такая терминологическая неопределенность, однако с уверенностью можно заключить, что кельты долгое время называли себя именно *keltoi*, хотя на протяжении V и IV веков до н. э. могли появляться и другие названия.

Галлы

Galli, или галлы, поначалу обосновались в верхней долине реки По и на берегах притоков. Они начали теснить и изгонять этрусков, чья цивилизация в те времена уже клонилась к упадку. Возможно, именно неспособность этрусков противостоять захватчикам и, как результат, раздолье для грабежа, богатая добыча и обжитые земли подвигли трансальпийских жителей преодолеть горные перевалы. Тот факт, что они знали этрусков и даже длительное время торговали с ними, подтверждают археологические раскопки.

Позднеримские историки полагали, что кельтские захватчики пришли с северо-запада, из Gallia Transalpina, называвшейся так со II века до н. э. Археологические данные свидетельствуют, что они прокладывали путь по центральным альпийским перевалам и что их родина находилась на территории современных Швейцарии и Южной Германии. Античные историки сохранили для нас названия основных племен. Первыми через Альпы переправились инсубры и со временем основали свое главное поселение, назвав его Медиолан (современный Милан). За инсубрами последовали по меньшей мере четыре племени, которые расселились в Ломбардии; бойи и лингоны вынуждены были пройти через их владения и обосноваться в Эмилии, а последним мигрантам, сенонам, достались менее богатые земли Адриатического побережья – они нашли приют в Умбрии.

Кельты путешествовали не только как переселенцы – в поисках новых земель, с семьями и домашним скарбом. Легкие на подъем отряды воинов совершали набеги на далекие южные территории, опустошая Апулию и Сицилию. Около 390 года до н. э. они успешно разграбили Рим, служивший для них мишенью номер один до 225 года до н. э., когда большое галльское войско, укрепленное свежими силами из североальпийских районов, было окружено двумя римскими армиями и разгромлено. Конец независимости Цизальпинской Галлии был положен в 192 году до н. э., когда римляне одержали победу над бойями и разрушили их крепость, которая находилась на территории современной Болоньи.

Согласно историческим источникам, на востоке кельты впервые появились в 369–368 годах до н. э. – тогда отдельные их отряды служили наемниками на Пелопоннесе. Этот факт позволяет предположить, что численность кельтских миграций на Балканы еще до указанной даты была достаточно велика. В 335 году до н. э. Александр Великий, воевавший в Болгарии, принимал делегации от всех народов, живших на территориях Нижнего Дуная; среди них было и посольство кельтов, о которых известно, что они пришли с Адриатики.

Галаты

Сменились два поколения, и орды галатов наводнили Македонию в середине зимы – только большие беды могли заставить их пуститься в путь в такое время года, тем более что с ними были семьи и повозки с имуществом. Галаты принялись грабить местных жителей и продвигаться вперед в поисках пригодных для поселения земель. Однако захватчики встретили серьезное сопротивление – дальнейшее развитие событий подробно описано древнегреческими историками. Известны имена Волга и Бренна – предводителей кельтских миграций, однако не исключено, что это были прозвища богов-покровителей, а не смертных вождей. Так или иначе, люди, ведомые Бренном, атаковали Дельфы, но потерпели поражение. Греки, признанные знатоки национальных различий, добавили кельтские щиты к персидским, уже вывешенным в качестве трофеев в дельфийском храме Аполлона, – это, без сомнения, можно назвать одной из первых экспозиций на тему сравнительной этнологии.

Кельты были вполне способны удерживаться на Балканах еще длительное время, но два племени, отделившиеся от тех, что захватили Македонию, предприняли самое любопытное путешествие, зафиксированное древнегреческими учеными в истории кельтских миграций. Они двинулись на юго-восток, к Дарданеллам. Постоянные раздоры с местными жителями в конце концов заставили их переправиться в Малую Азию, где перед ними снова открылись широкие возможности для грабежей и завоевания земель. Вскоре к двум племенам присоединилось третье – тектосаги, которые предпочли покинуть Грецию после неудачи под Дельфами. Некоторое время все три племени безнаказанно предавались всевозможным бесчинствам и грабежам, но в конце концов угомонились и обосновались в Северной Фригии, которая с тех пор стала именоваться Галатией. У этих племен была общая столица, носившая кельтское название Друнеметон, а тектосаги поселились в области современной Анкары.

Галатам удавалось сохранять индивидуальность в течение многих веков. Отрезанные от европейских корней, они оставались в изоляции, а со временем дали свое имя христианским общинам, которым и было адресовано знаменитое послание апостола Павла. Позднее, в IV веке н. э., галаты стали предметом весьма любопытных записок святого Иеронима, который, в частности, сообщает о том, что, помимо греческого, они говорили на собственном языке, родственном наречию треверов. Святой Иероним, путешествовавший по римской Галлии, несомненно, был знаком с треверами, жившими в районе Триера на реке Мозель. Возможно, он слышал из их уст кельтскую речь, сохраненную в более чистой форме, отличной от языка обитателей сильно латинизированного запада Галлии, и, таким образом, в его записках нужно видеть сугубо научный сравнительный анализ, иначе сложно истолковать такое особое отношение к этому племени. Что касается языка, сохраненного галатами, история знает подобные примеры: язык готов, вторгшихся на Крымский полуостров в III веке н. э., постепенно вытеснялся славянскими языками, но исчез окончательно лишь через много столетий – последние его носители умерли в XVII веке.

До сих пор речь шла о самых ранних свидетельствах древних историков о кельтах, был сделан вывод, что к началу III века до н. э. эти племена занимали обширные территории от Испании до Малой Азии и что их прародиной, предположительно, были лишенные цивилизации области Европы к северу от Альпийских гор, куда редко заглядывали просвещенные обитатели Средиземноморья. Исторические источники, касающиеся II и I веков до н. э., лишь упоминают о расширении владений кельтов; становится ясно, что они занимали всю территорию Галлии (современной Франции) и что по крайней мере часть из них пришли из зарейнских областей.

В I веке до н. э. Галлия вошла в состав Римской империи и таким образом попала в поле зрения историков, удостоившись более пристального внимания. Цезарь описывает Галлию,

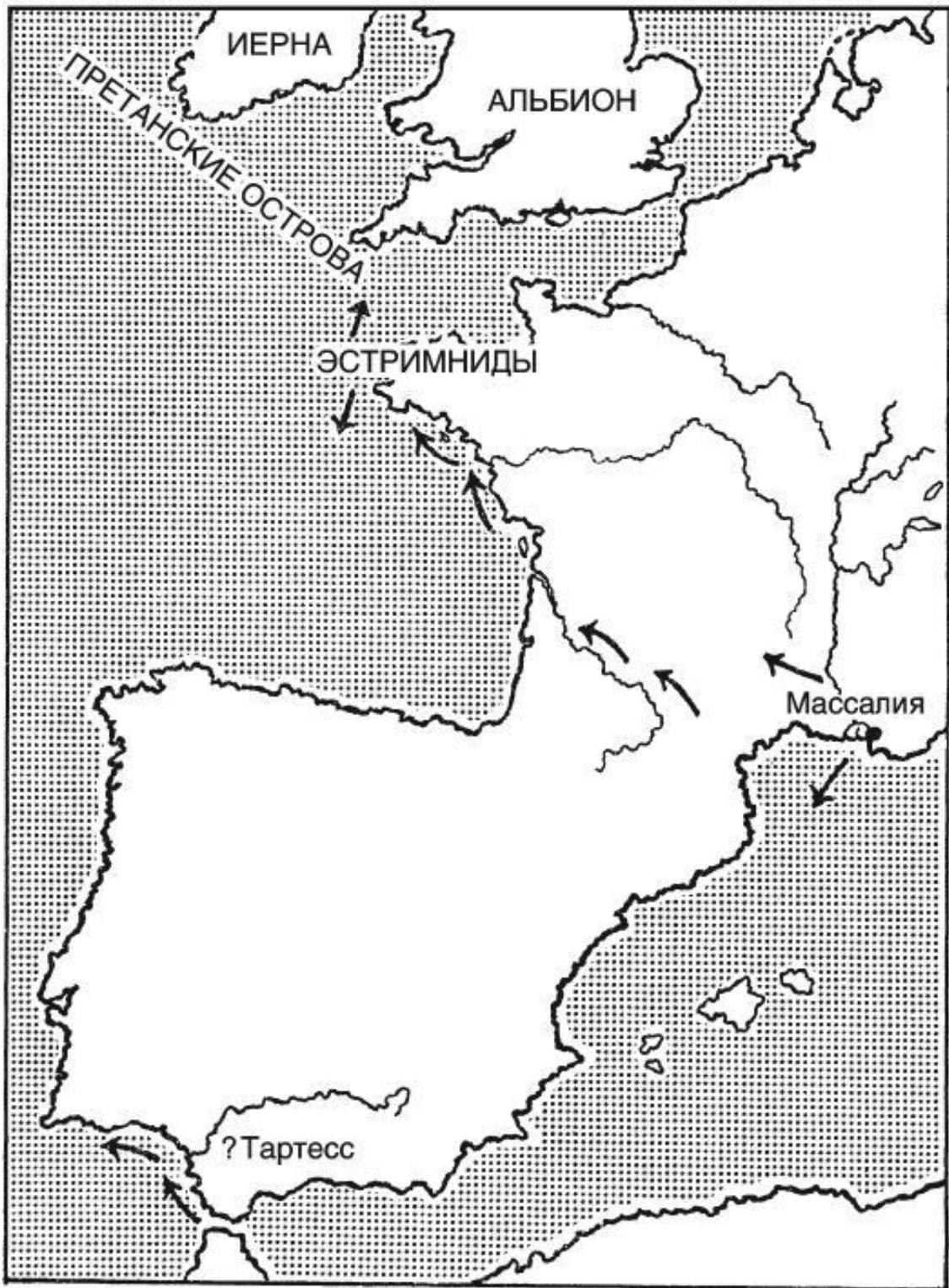
этнографически разделенную между аквитаниями на юго-западе, белгами на северо-востоке и заселенную кельтами по всей территории. Это сообщение можно рассмотреть в свете археологии, но в данный момент для нас особый интерес представляют белги, которые были самыми воинственными и стойкими противниками римского полководца.

Белги

Это племя занимало северо-восточные пределы Галлии и, согласно Цезарю, гордилось своими «германскими» корнями, что, по всей видимости, означало всего лишь их зарейнское происхождение, поскольку говорили они на языке, очень похожем на речь остальных кельтов, обитавших в Галлии, а их вожди носили кельтские имена. Вопрос о первоначальном значении слова «germani» чрезвычайно важен, однако временно оставим его в стороне, чтобы проследить дальше намеченную Цезарем историческую линию, которая приведет Британию в границы кельтского мира. Цезарь сообщает, что задолго до современной ему эпохи белги основали поселения на юго-востоке Британии. Это первое и единственное прямое историческое свидетельство о кельтских – или отчасти кельтских – миграциях в Британию. Есть масса других – археологических – доказательств того, что на этом острове существовали более ранние кельтские поселения, такой же вывод можно сделать и на основании письменных источников. Так в чем же состоит ценность ранних упоминаний о Британии и Ирландии в античной литературе?

Британия и Ирландия

В VI веке до н. э., точнее, не позже 530 года, жители Массалии предприняли путешествие мимо восточного берега Испании, через Геракловы столбы и вдоль Атлантического побережья к городу Тартессу (карта 1). Очевидно, это было не первое такое плавание из Массалии, но важно то, что один из вернувшихся на корабле мореходов составил отчет, в котором привел сведения не только о берегах Испании, но и о землях, лежащих дальше к северу вдоль атлантических морских путей Европы. Описание этого путешествия известно под названием «Массалиотский перипл» и сохранилось в отрывках, процитированных в IV веке н. э. Руфом Фестом Авиеном в поэме «Ora Maritima». Некоторые особенности этого перипла свидетельствуют о том, что он был сочинен до завоевания Тартесса карфагенянами, приведшего к прекращению для колониальной Греции торговли в Атлантике.

Карта 1.

Массалия и западные морские пути

Жители Тартесса, находившегося, по всей вероятности, возле устья Гвадалquivира, имели дружеские торговые связи с греками со времен плавания Колея из Самоса через Геракловы столбы около 638 года до н. э. В «Массалиотском перипле» сообщается, что тартесийские купцы бывали в таких северных районах, как Эстримниды, под которыми подразумевались полуостров Бретань и близкие острова, и что население этих земель торговало с

обитателями двух больших островов – Иерны (Ierne) и Альбиона (Albion). Это самое раннее в истории упоминание об Ирландии и Британии, названия же представляют собой греческие варианты слов, которые сохранили носители ирландской ветви кельтского языка. Староирландское Eriu и современное Eire произошли от более древней формы слова, которое греки приносили как «Иерна», а название Albi ирландцы использовали по отношению к Британии до X века н. э. Вопрос в том, имеют ли эти слова кельтские корни или представляют собой заимствования из более древнего языка. Скорее всего, они принадлежат именно кельтам, но доказательств для того, чтобы сделать окончательный вывод, недостаточно.

Авиен, конечно, мог исказить древний источник, но все же сохранил для истории весьма ценные сведения, содержащиеся в «Массалиотском перипле».

В любом случае названия Иерна и Альбион вошли в терминологию греческих географов, в том числе Эратосфена, уже к середине III века до н. э. Нужно сказать, однако, что, хотя Авиен и ссылается на карфагенянина Гимилькона, исследователя VI века до н. э., последний, по всей видимости, никогда не бывал на Британских островах, вопреки существующему мнению.

Путешествие Пифея Массалиота, состоявшееся примерно в 325–323 годах до н. э., стало вторым древнейшим источником сведений о Британии и Ирландии. Перипл Пифея тоже известен лишь из вторых рук, но его, в отличие от «Массалиотского перипла», цитируют – часто с недоверием – многие авторы, включая Полибия, Страбона и Авиена. Британия и Ирландия названы Пифеем Претанскими островами. Производным словом для обозначения жителей этих островов, видимо, должно быть *pretani* или *preteni*, и, возможно, оно образовано от кельтского корня, который сохранился в валлийском языке: *Prydain* означает Britain, Британия. Латиняне, в силу особенностей произношения, трансформировали его в *Britannia* и *britannii* – именно в такой форме эти слова использует Цезарь. Следовательно, под Претанскими островами подразумевались Иерна и Альбион, что подтверждает и описание плавания, данное Пифеем, а один из поздних греческих географов утверждает это как факт.

Любопытно, что Пифей не упомянул древние названия Иерна и Альбион, когда говорил о Претанских островах. Это может означать, что жителям Массалии, проложившим сухопутные торговые пути к северо-западу, они были знакомы и пояснений не требовали. Однако, если принять в расчет предположение, что Пифей посетил только Британию, а в Ирландии не был, это может свидетельствовать и о том, что он не сомневался в однородности населения двух островов. Далее, несмотря на то что в ирландской литературе существует эквивалент названия *preteni*, это слово может обозначать, во-первых, некоторых жителей Британии и, во-вторых, британских переселенцев в Ирландию. Напрашивается вывод, что название Претанские острова, вошедшее в обиход греков к IV веку до н. э., свидетельствует о появлении нового, доминирующего населения в Британии (на Альбионе), чего не было в те времена, когда создавался «Массалиотский перипл».

Все вышеизложенное подводит нас к другим вопросам, в первую очередь связанным с кельтскими языками. Эти вопросы будут освещены после обзора археологических данных.

Европейский доисторический фон

В этой главе, посвященной происхождению кельтов, Геродот и Цезарь уже упоминались как личности, чья деятельность знаменует собой две исторические вехи, – Геродот, поскольку он считается отцом истории и антропологии, Цезарь, поскольку его военные кампании положили конец независимости кельтов. Труды античных авторов, живших после Цезаря, безусловно, содержат больше полезной информации о кельтах, однако они не способны изменить общую картину. Следующая задача – рассмотреть проблему в свете археологии.

В ответ на вопрос о культурном фоне, связанном с историческими сведениями о кельтах в период от Геродота до Цезаря, большинство археологов – в первую очередь представители континентальных школ – не задумываясь назовут две широко распространенные материальные культуры железного века, известные под названиями «галльштатская» и «латенская» и подтверждающие в географическом и хронологическом плане письменные свидетельства (карты 4, 6). Однако, вместо того, чтобы немедленно перейти к их подробному анализу, представляется нелишним начать с более удаленной во времени отправной точки и обратиться к другим векам и регионам, также освещенным письменной историей.

Постепенное улучшение климатических условий к концу ледникового периода открыло для человечества новые территории трансальпийской Европы. К 9-му тысячелетию до н. э. даже такая северная зона, простирающаяся от Пеннинских гор до современной Дании и балтийских земель, была заселена первобытными охотниками и рыболовами. Со временем климатические тенденции обусловили возникновение умеренной зоны в Европе, и в течение целого тысячелетия на этой территории в своих экологических нишах существовали первобытные общины. С точки зрения физического типа они, вероятно, были не менее разнородны, чем их предшественники эпохи позднего палеолита. Приток новой крови, принесенной из евразийских степей, с одной стороны, и из Испании или даже Северной Африки – с другой, исключил возможность появления в Европе чистых рас. Остатки материальной культуры, встречающиеся на всем протяжении умеренного климатического пояса Европы, отражают примеры взаимодействия и обмена на различных ареалах в разные времена. Носителей этой культуры можно рассматривать как древнейшее население указанной зоны; именно их наследниками – в той или иной степени – стали более поздние популяционные группы.

Переселенцы эпохи неолита

Людей эпохи мезолита никто не тревожил до 4-го тысячелетия до н. э., когда из периферийных областей урбанистических цивилизаций древнейшего Востока начали экспансию на север первобытные племена земледельцев и скотоводов. В умеренную зону Европы первые и самые важные в историческом плане переселенцы эпохи неолита пришли с юго-востока и захватили богатые и легкие в обработке лесные земли в бассейне Среднего Дуная, а затем проникли дальше – к Рейну и основным его притокам, до места слияния Заале и Эльбы, к верховьям Одера.

Позднее хозяйственный уклад эпохи неолита, принесенный иммигрантами, распространился от Западного Средиземноморья по Атлантическому побережью Европы к Британским островам, хотя самые первые неолитические поселенцы, скорее всего, добрались в Британию от Лионского залива через Восточную Францию. Носители этого хозяйственного уклада вели относительно оседлый образ жизни, что давало им возможность накопить личное имущество и необходимые запасы. Переселенцы повсюду оказывали значительное влияние на популяции мезолитического уклада – меновая торговля стимулировала развитие хозяйства и материальной культуры коренных обитателей, а со временем, когда в результате распространения дунайской и западной неолитических культур люди стали возделывать землю на всей территории умеренной зоны Европы, мезолитический образ жизни сохранился лишь на восточных и северных окраинах. К началу 2-го тысячелетия до н. э. континуум взаимосвязанных материальных культур, распространившихся по всей Европе, демонстрирует разнообразие в происхождении и способностях их носителей, а также в уровне их общения с несравненно более цивилизованным миром Восточного Средиземноморья.

Появление скотоводства

Примерно в это же время намечаются две тенденции в развитии неолитического хозяйства: на берегах рек люди продолжают возделывать землю и выращивать зерновые культуры, в гористых же областях и на Среднеевропейской равнине доминирующим образом жизни становится скотоводство, и не только кочевое. Основываясь на примерах из истории Европы и других регионов, можно допустить, что подобные расхождения в занятиях и условиях жизни обусловили возникновение социальных объединений или политических союзов. Резонно также предположить, что в тот период появились племена земледельцев и скотоводов, а о существовании отдельных племенных союзов можно сделать вывод, опираясь на результаты изучения остатков материальной культуры.

Раннее использование металлов

Первая половина 2-го тысячелетия до н. э., помимо всего прочего, привела на территорию Европы торговцев металлическими изделиями и положила начало обработке металлов ее обитателями. Каким образом европейцы узнали технологии обработки, сказать сложно – либо исключительно благодаря общению с иноземными купцами, либо основополагающим фактором стали миграции из Малой Азии.

Древнейшие медные и бронзовые изделия, в основном украшения и оружие, найдены в Греции и на Восточных Балканах, на землях Среднего Дуная и Трансильвании. Большая часть этих вещей имеет анатолийские прототипы, а распространение в Греции, Македонии и даже в более северных районах стилия анатолийской керамики свидетельствует, что там бывали не только странствующие торговцы из Малой Азии, но и находили пристанище семьи переселенцев.

Здесь мы подходим к одному важному вопросу: весьма вероятно, но не доказано, что анатолийские переселенцы были носителями индоевропейского языка. Пролить свет на этот вопрос – задача археологии, связанная с изучением и датировкой письменных памятников Малой Азии. Впрочем, на каком бы языке ни говорили древние мастераковки металлов на Балканах, их влияние на Центральную Европу было чрезвычайно велико, и один из характерных предметов, которые они принесли с собой на север, – медный или бронзовый сверленный топор.

Неолитические племена скотоводов в Северной и Центральной Европе к тому времени уже научились изготавливать каменное оружие по образцу мезолитических топоров из оленьего рога, в которых так же пробивались отверстия для деревянной рукоятки. В рамках основных региональных культур появлялись свои, типичные формы топоров, однако наиболее распространенные определенно ведут свое происхождение от металлических прототипов. Скотоводы делали для себя каменные копии иноземных металлических топоров (рис. 1). Последние отличались более высоким качеством и, без сомнения, слишком дорого стоили, так что люди не имели возможности покупать их в большом количестве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.